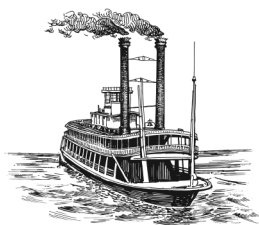

Лиза Лосева

Правый берег
ЕГОРА
ЛИСИЦЫ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л79

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *Н. Каптыкиной*
Во внутреннем оформлении книги
использованы иллюстрации *Александра Верещака*

Лосева, Лиза.

Л79 Правый берег Егора Лисицы / Лиза Лосева. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.: ил.

ISBN 978-5-04-162715-7

Начало НЭПа. На пути из Таганрога сторел и почти полностью затонул пассажирский пароход. Егор Лисица — сотрудник новой советской милиции — в качестве судебного врача занят опознанием тел погибших. Однако среди них не удастся найти тело чиновника из Стройтреста и его жены. Их имена есть в списке пассажиров, но ни среди мертвых, ни среди живых нет их самих. Чуть позже чиновника находят в городской больнице. От удара по голове и долгих часов в холодной воде он потерял память. Где его жена, он не знает, да и ее саму не помнит...

УДК 821.161-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-162715-7

© Лосева Л., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

НЭП. 20-Е. НАЧАЛО

На исходе сырой осени первых лет НЭПа на подходе к ростовскому порту сгорел пассажирский пароход «Советская республика», бывший «Цесаревич», бравший на борт больше сотни пассажиров. Последствия этот пожар имел самые разные, большей частью совсем неожиданные. Такие, как наградной револьвер системы Нагана, который достался сотруднику Донской народной милиции не в награду, а скорее по случаю.

Платон¹ считал, что память подобна воску, на котором отпечатываются все предметы. Забывание же похоже на стирание отпечатков. Он был не прав. Те осенние дни в Ростове я помню лучше, чем случившееся вчера. Разве нет памяти о прежнем? Остановись, подними голову и увидишь на стене рекламный проспект, где

¹ Платон, афинский философ, основатель школы мысли.

изображен не самый новый носовой платок, а на нем навязанные узлы — для памятности. По ширине плаката идут большие кричащие буквы: не забыть! Не забыть! Рисованный этот платок с узлами — популярная в бывшей империи реклама. А кричит она, убеждая покупателя, что «гильзы Катька» для папирос лучшие в мире и необходимо непременно их сразу же приобрести. Не забыть! Итак, завяжи на платке узелок, вот и вспомнишь нужное.

Остановимся. Вспомним. Что же нужное? Самое первое?

*На бой,
На грозный бой*

Пожалуй, в начало картины поставим колонну, которая выходит из-за поворота Красноармейской улицы, бывшей Скобелевской. Сотни голосов гремят, выводят единый ритм, шаг в шаг. Ростовский шальной ветер рвет из рук демонстрантов транспаранты, сминает буквы, плакаты качаются над толпой, держась энергией и силой не рук — голосов.

*На бой
Вставай, народ-титан!*

Дождь давно кончился, но небо морщится, раздумывая, не пролиться ли снова. Осень на юге поздняя, не слишком холодная, но с не-

пременными ливнями, черной густой грязью, плотными туманами по утрам. В полинялом небе черные кресты кричащих галок. Ранние прохожие — кто со свертком, кто с портфелем, кто без особого дела — любопытствуют в сторону колонны демонстрантов, толпятся на тротуаре. Среди них один уж очень бойкий гражданин пристраивается к сверткам, присматривается к портфелям. Руки он, впрочем, держит в карманах военной куртки явно с чужого плеча. Одет не по погоде, нелепо даже по нынешним удивительным временам, а на ногах и вовсе истоптанные парусиновые тапочки. Заметив, что я смотрю на него, бойкий гражданин отворачивает лицо, пряча его под козырьком драной фуражки-капитанки. Это определенно жулик, гольчик или мазурик — молодой вор. Самый незначительный тип, обычно презираемый среди карманников, таскает из корзин мелочи, провизию, сыпучий товар. Вполне определенно можно сказать, что бойкий гражданин из шпаны, которая дежуриет неподалеку.

*Пролетарии всех стран,
Соединяйтесь в дружный стан!
На бой, на бой!..*

Под широкой аркой двора табачной фабрики, бывшей Асмолова, шагают демонстранты.

Мимо меня и прохожих на тротуаре плывут выведенные белой краской слова «Выше знамена мировой революции!».

На бой, на бой!..

На «бой» шагающие приналегают и выходит протяжно. Демонстрация широкая, во всю улицу. Прохожие расступаются, пропуская колонну, жмутся к стене фабрики. Шагнув в ногу со всеми, я, кажется, ступил в хорошую лужу. Но времени зайти домой переодеться и хотя бы выпить чаю уже нет.

На бой, на бой!..

Я так устал, что на минуту прислоняюсь к теплой кирпичной стене. От нее тянет резаным табачным листом. Фабрика снова работает. Отсюда началась большая стачка рабочих. Ходила об этом частушка. Асмоловские девушки просили пятака. Асмолов рассердился, послал казака, было дело. Фабрика, само собой, национализирована. Слова песен сейчас другие. Новая власть здесь, на юге, больше не новая, а окончательная.

На бой, на бой!..

Завяжи еще один узелок, чтобы не забыть. Март тысяча девятьсот семнадцатого. Император Николай Второй подписал

отречение от престола за себя и за сына. Создано Временное правительство, во главе встала партия кадетов. Распущена полиция и жандармы, объявлена всеобщая амнистия. По Лубянской площади в Москве запели, зашвистели пули. Юнкера защищают Кремль. Почтамт и телеграф в руках большевиков. Часы на Спасской встали, на циферблате на месте римской двойки — дыра от снаряда. Двойка — первое число, означающее единство, она символизирует грех, отклонение от изначального блага.

Ударило красное кресало, горит, разжигая пламя пожара из искр. В Петрограде вооруженное восстание, взят Зимний дворец. Временное правительство арестовано. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа объявила Республику Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Частная собственность на землю отменена, банки национализированы. Декларация пропечатана в газете «Правда», и снова акцент на двойке — выпуск № 2. Газету читают прямо на улице, и еще только скомкана она, еще только торговка сворачивает из нее фунтик под подсолнухи для солдата, как уже ясно, что бои и баррикады на улицах, стрельба, бессонные темные гулкие ночи, смерти и страхи отпечатанным документом не кончатся. Смутное время.

В Самаре сформирован Комуч¹ из эсеров, объявивший себя единственной законной властью. В Москве и Петрограде — Союз возрождения России, набирает силу казаческое антибольшевистское движение на Дону и Кубани, на юге вступают в Добровольческую армию.

Еще узелок. Июль 18-го года. По сообщению московской газеты «Жизнь», красноармейцами убит отправленный куда-то из Екатеринбурга бывший царь, а ныне простой гражданин Николай Романов. О судьбе царской семьи сведений нет. На улицах кто плачет, кто припустит «Крышка» и «эх, брат Романов, доплясался», а кто горячится «не нужно верить слухам». Напрасно спорит. Слух верный.

Кричат агитплакаты: «Одна рука, чтобы молот бил, другая — белых бить!» Республика освобождается от «классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях. Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам». Красный террор, белый террор. А есть еще и зеленые? А об отрядах анархиста Махно на Украине слышали? Или они зеленые и есть? Германия оккупировала Украину. Англия, Франция и США высадились в Мурманске, Япония разместила войска на

Дальнем Востоке. Метет, метет по всей земле. Пулеметная пурга Гражданской лепит, заносит города, села. Между рядами один и тот же глас: кто не за нас — тот против нас! А тому, кто не белого, не красного, не зеленого цвета — куда деваться? Пожалуй, что и некуда. Вот разве в тифозный барак. Вошь и смерть — друзья-приятели. Смерть тут рядом — в кармане и на аркане. Умерших от сыпняка свозят в цеха заводов, складывают поленницей. Не хватает врачей и лекарств. Холодно и темно в Москве, в Петрограде. А если свет в окне — это нехорошо. Особенно если горит всю ночь. Свет — значит обыск. Новый, 1920 год встречают призывом «напрячь все силы по очистке ж. д. путей», снежные заносы приостановили подвоз к Москве хлеба и топлива. И — побежали на юг. Примадонны, генералы, миллионеры, жулики и князья. Бладобрей при гостинице помадит усы белым и красным боевым командирам, без разбора. А как разберешься в них, когда целыми корпусами переходят войска с одной стороны на другую? Звенит ростовский трамвай. Красный ты или белый, а ехать всем нужно. Кондуктор не берет ни деникинских, ни других денег — нет смысла, власть меняется, как погода. Афишные тумбы говорят заголовками газет:

«Закупки хлеба и сахара за границей».

«Финансовая катастрофа в Германии, Берлин волнуется».

Красная — до неба — пыль. Отступление, эвакуация из Крыма. Корабли, груженные страхами, ушли, увезли тех, кто рушащееся оплакивал, — помещиков, офицеров, мещаночек и дворян. В новой стране нет сословий. Все теперь товарищи по новой судьбе. Мир старый сгорел. В дыму и пламени родился новый. Химическим карандашом аккуратно отметим на карте свежее, с иголки название — РСФСР. Мирный договор между Советской Россией и Финляндией нарисовал государственную границу между странами, теперь эта земля чужая. Вычеркнем территории Польши. Как-то там теперь варшавский сыск и знаменитые воры? Впрочем, последние, думается, не горюют. Независимы Латвия и Эстония. Обрисуем иначе, чуть убавим, чуть прибавим и вот уж окончательно на карте — СССР. Первое социалистическое государство планеты.

В ознаменование великого переворота, преобразившего Россию, Совет Народных Комиссаров постановляет: памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц. В армянском городе Нахичевани скovyривают с постамента бронзовую Екатерину. Народ смотрит, но помогать не спешит. Памятника больше нет. Куда-то пойдет фигура? Переплавят на сковороды.

Обыватель за политикой не успеваает. Бросили бы стрелять друг в друга и хорошо. Однако и это пока не сбывается. Гражданская вроде кончилась, но когда вздохнуть, когда осмотреться? Декреты, бандиты, уплотнения. Железными зубами время грызет человека. Со вздохом припоминает новый советский служащий споры на даче о политике, о реформах, о постройке нового мира. Ну да что вздыхать? Мир строится. Дача сгорела, а может, взята под нужды молодого государства. В бывшей столовой идет диспут рабочих со «Смычки» о международном положении. Дачный собеседник, если уцелел, в Константинополе или в Париже — служит «дансэр де ля мэзон»¹ пожилым американкам. Революция и на Страстном монастыре начертила: «Не трудящийся не ест». Нужно добывать службу, паек. Старые газетные новости ободрали, заклеили свежими.

Определенно и окончательно ясно — никакой империи больше нет. Не существует и этой бывшей части ее — области Войска Донского. Упразднена. Вместо этого теперь Донская область, с центром в Ростове. Пала империя, подмяв под себя чины, и сословия, и даже грамматику — отменив «яти». Но что яти? Улица говорит другим языком — по-деловому, без сантиментов. Кричит лозунгами, поет протяжно,

¹ Партнер для танцев.

шагает, чеканя шаг... Не дремлет враг! Новое время спрессовывает, сплевывает слова. Бывает, что гражданин-товарищ некоторое время стоит у вывески, морщит лоб, пытаясь разгадать, что это за учреждение. Исполком, Рабсила, Комбед. Сохнет свежая краска на вывеске бывшей «Часовой торговли Майзеля», теперь там три буквы — ЕПО. Бедняга шевелит губами в усилении, читает подсказку мелким шрифтом: ЕПО. Единое потребительское общество. Вот оно что! Стало быть, как раньше — торговля? Как раньше, да не так. И часы в магазине, бывшем коммерсанта Майзеля, как будто стучат скорее. Сбиваются с темпа «лисьего шага» фокстрота — четыре такта та-та-та — на революционную речовку. Неразбериха. Однако сам коммерсант еще здесь, только вывеску сменил. Стержется бандитов, ругает большевиков вполголоса, надеется на лучшее — НЭП. Еще одно сокращение — новая экономическая политика. У двери магазина, из которой торчит голова приказчика, а по-новому торгового служащего, ветер кружит крошечный серый смерч. Пыль, пыль повсюду, беда этого города в степи. Колонна демонстрантов попирает пыльные смерчи. Каргузы, платки, несколько чудом сохранившихся гимназических фуражек, без гербов, с рваным околышем. Девушки с астрами в руках, с лицами с полотен итальянцев — одухотворенные, нежные, тонкие голоса в общем хоре.

*Не устрашит нас бой суровый,
Нарушив ваш кровавый мир...
На бой, на бой!..*

Красноармейцы несут лопаты. Летят листовки — призыв выходить на субботники. Они часты, город все еще смотрит дырами, черными горелыми окнами. Мимо меня, прохожих и старух, торгующих на тротуаре чесноком, тыквенными семечками и халвой в бумажках, пролетают слова лозунга, прицепленного к борту «Форда»: «Да здравствует освобожденный труд». Улицу заволокло бензиновой вонью. Прямо на меня смотрит пустыми глазницами свиная голова, воздетая на палку, — эксцентрический протест против мирового голода. Старухи широко крестятся, мелко плюют на тротуар. Единым шагом колонна сворачивает за угол длинного дома в конце улицы. За демонстрантами с криками бегут мальчишки.

Торговки оживляются, тянут вперед свой товар. Подозрительно бойкий гражданин вертит в пальцах медную гирьку — приметное движение, ловкие пальцы. Явно способен построить карьеру! Есть задатки вырасти в профессионала не хуже известного вора Полонского, умеющего вынуть брегет из чужого кармана только затем, чтобы узнать, который час. Бич нового общества, беспризорники, здесь прут со страшной силой, как бурьян. Едут на юг, цепляясь к вагонам, на крышах. Тепло, можно